

Миссия "Грызли"

Анатолий Шинкин

Анатолий Шинкин

Миссия «Грызли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73366298

SelfPub; 2026

Аннотация

Среди грызунов милых особей не счесть, в какую сторону ни взгляни, либо свежуют собрата, либо уже доедают.

Прогрызли насквозь родную Грызомачеху крысы и отправились по приказу Царя-премьера искать для соплеменников новую планету. Желательно, чтобы на Грызофею птичью похожую, с орешками и виноградом, но отыскали пока только замарашку Грызозолушку. За отсутствием вариантов поселились на ней, в надежде превратить трудом и заботами в прекрасную Грызопринцессу.

Приключения в космосе отважного экипажа во главе с капитаном Дэнсом. Схватки с коварными кротами и любовные истории в долгом полете. Добрый юмор и легкий слог. Приятного чтения.

Анатолий Шинкин

Миссия "Грызли"

Глава 1 Миссия «Грызли»

Стань успешным: нагрызи бабла
на обеспеченную старость

Бог из хаоса целый мир сотворил.
Просто от скуки. Глядишь, и мы не оплошаем.
Шучу, оплошаем обязательно

Космолет «Грызли» челноком сновал по Вселенной, отыскивая приемлемое для выживания грызунов жизненное пространство. Доживающая последние дни Грызомачеха – планета крыс – исключительно волей Царя-премьера, которому активно противостояли олигархи: "Нас и на Грызомачехе неплохо кормят," – собрала силы и средства на постройку и отправку в дальние миры относительно надежную космическую посудину.

Командир рейдера капитан Дэнс, избороздивший космос вдоль и поперек, рафинированный джентльмен среднего возраста, мощными челюстями дробил каменно твердые ядра орешков-крепышек, рассеянным взглядом следил за мо-

ниторами наблюдения и, как мантру, мысленно повторял напутственные слова Царя-премьера: "Все круги стремятся замкнуться, но промахиваются порой и превращаются в спираль. Грызомачеха почти докрутила свой круг. Твоя задача – не дать линиям сомкнуться и поднять крысиное племя на новый виток... пусть и на другой планете. Осознаешь масштаб?"

В кулуарах Госдумы все чаще мелькало слово "Грызофея". Так называлась планетка, расположившаяся в шаговой доступности от Грызомачехи. Ухоженная, красивая, сплошь усаженная кустарниками, с гроздьями вкусных крепких орехов на каждой ветке.

Грызофея – планета мечта. Крысам очень хотелось себе такую же, но хозяйничали на Грызофее птицы и относились к крысам по-свински. Продавали орешки-крепышки за кровное, честно наворованное золото, а сами у крыс покупать ничего не хотели ни за какие коврижки. Успешных бизнес-крыс, сбегавших в комфортное другопланетье, ловко обобрав, обратно вышвыривали. Красавиц Грызомачехских, победительниц конкурсов крысиной красоты и супер-моделек с обложек глянцевого журналов, еще до сватовства пинком заворачивали.

По праздникам птичьим собирались пернатые у памят-

ника первооткрывателям и первопроходцам, тогда еще бескрылым, но "рукастым". Заселившись на холодную, грязную, крайне негостеприимную планету, трудились не покладая рук дено и ночно. Реки очистили, леса облагородили, орешки крепышки и виноград по всей планете рассадили. Из ничего сделали все, а со временем и руки их в крылья обратились.

Грызофею птицы берегли, как зеницу ока. Множество пернатых барражировали на широких размашистых крыльях; дружески беседуя, бродили по равнинам; с веселым щебетанием лакомились орехами и безжалостно расправлялись с любыми непрошенными гостями.

Грызофея – планета-мечта как вариант была "невариант". "Близок локоток, да зубы коротки", – депутаты, традиционно представленные спортсменами с внешностью артистов и актерами с мозгами спортсменов, втягивали головы в плечи и молча ушмыгивали по норам-кабинетам.

"А мы поступаем точно наоборот: берем цветущую планету и превращаем в ничто, – выдал мозг грустное резюме. – Можно получить все и сразу и начать последовательно разрушать, а можно изначально иметь ничто (хаос) и создать из этого красочный мир, как, птицы планету Грызофея, и, как, судя по библейским байкам, сделал однажды бог на Земле.

Поступил вполне разумно, обеспечив себя развлечением на всю свою бессмертную жизнь и времени потратил всего ничего – неделю".

Олигархи, традиционно пытавшиеся идти к благополучию отдельно от Родины, регулярно выгрызали из космодрома и корабля солидные куски. Глотали, не прожевывая, и, что удивительно, не поперхнулись ни разу.

Царю-премьеру удалось переиграть олигархов, включив на всю катушку средства массовой информации. Телевизоры в норах обывателей едва не взрывались от череды рекламных роликов, в которых глава планеты сверкал умным взглядом и указывал путь к светлому будущему кратким жестом направляющей лапы. Придворные журналюги слюной захлебывались, рассказывая, как Царь-премьер учился, пробивался, "вышел из народа". Очень полюбился крысам правитель умеющий удивлять, быть нескучным; склонный к разнообразию, выдумке, креативу. Сунул,.. задержал,... вынул,... подразнил,... снова сунул,... покрутил,... позу поменял,... на садо-мазо намекнул... Народ, мало сказать, терпел, еще и оргазм изображал.

Невероятными усилиями и волей удалось-таки достроить и запустить на поиск новой планеты взамен насквозь прогрызенной Грызомачехи грызолет "Грызли".

"А я крысенком родился, крысом живу и ни разу не случилось из народа выйти," – грустно улыбнулся Дэнс. – "Осознаешь масштаб?" Масштаб, масштаб! Ха-ха! три раза, – неожиданно затуманился скепсисом и сбился на критическое мышление мозг. – Крысам свойственно размышлять ни о чем, об этом же говорить и приходить к никакому выводу. Заурядное повторение многократно пройденного".

Старожилы, по-обыкновению, не припоминали, но где-то в заплесневелых архивах догрызались очастыми крысунами, в академических запыленных ермолках, записки-скрижали-анналы, что Грызомачеха числилась то ли третьим, то ли четвертым из пущенных крысами в распыл местообитаний: "В очередной раз пытаемся пройти дорогой, которая раз от разу приводит в никуда," – Дэнс непроизвольно оглянулся и усилием воли придавил крамольную мысль.

Мимоходом отметил белую точку на левом экране. Точку, которой там быть не должно, но она не исчезала, а двигалась параллельным курсом, каждодневно, ежечасно, неотступно, навязчиво, с той же скоростью, что и грызолет "Грыз-ли". Непонятное бесит, и Дэнс не замедлил мысленно выматериться и в очередной раз пообещал разобраться с прилипалой, как только выпадет удобный случай.

Глава 2 Команда

Тварей надо знать в лицо

В экипаж отбирали лучших спецов-космолетов. Профессионалы высшей пробы догадывались, что командировка может растянуться на годы, а жизнь коротка, и в почетную миссию толпами не ломились. Командованию пришлось срочно отыскивать изъяны в биографиях претендентов: "черные дыры", "скелеты в шкафах" и особо грязные места в запятанных репутациях – точки давления и рычаги управления для строптивых.

Штурман Блэйд, айтишник по призванию и хакер по велению души, прославился, взломав расчетную банковскую систему на Грызофее-Планете Птиц, и вывел на виртуальные счета множество миллиардов баксов, за что заработал заочно от пернатых электрический стул, а от Грызомачехских олигархов кучу пряников и бесконечное уважение.

С птичьих вывел, но на крысиные не привел. Олигархии Грызомачехи богаче не стали. По каким виртуальным сетям бродили украденные бабосы, знал только Блейд, а на естественно родившийся вопрос: "Где деньги?" – ответил крылатой фразой: "Дурак может дать тысячу ответов на вопросы, которые умному не придет в голову задавать". Пока олигархии

осмыслили сказанное, а потом готовили команду киллеров, чтобы "навешать люлей" строптивому айтишнику, Блейд запырнул в штурманскую кабинку корабля Грызли, где и просидел под защитой космической брони и кураторством Царя-премьера до самого старта. Олигархи стонали и охали, но дотянуться до Блейда не могли.

– Командир, – засветился на экране внутренней связи смышленной мордочкой легкий на помине Блейд. – За нами наблюдают.

– Вижу. Поделись, если знаешь кто?

– Темный лес.

– А конкретнее?

– Ни в зуб толкнуть, ни хвостом отмахнуть: никак себя заразы не проявляют.

– Из виду не упускай и подключи оружейников на случай недружественных поползновений.

– Есть, Сэр.

Космические снайперы-оружейники, крупнотелый крыс Катрен и subtilный крысеныш Стинг, выбивали сто из ста в положении лежа, сидя, стоя, в кромешной темноте, при свете дня и в сумеречном, плывущем мареве вечерних и утренних зорь; но пока не могли определиться, кто стреляет лучше из ПТУРа в положениях "из-за угла" и "на бегу".

Трудность заключалась в том, что в лапах большого Катрена противотанковая ракета выглядела игрушкой, и он мог просто жонглировать оружием на бегу; зато миниатюрного Стинга, выглядывающего из-за угла, враг не мог разглядеть и, соответственно, поразить.

Соперничество не мешало сотрудничать в выполнении профессиональных, но "левых" заказов, среди которых числилось и покушение на президента Грызомачехи, организованное командой Царя-премьера для создания имиджа смелого, решительного парня.

Катрен и Стинг четко выполнили строгий наказ: "Отстрелите чо-нить ненужное, ухо, например, но сам чтобы, как огурчик", – и крысиный народ мгновенно зауважал и даже полюбил своего бесстрашного правителя, но к желающим поквитаться с меткими стрелками добавились олигархи, и пришлось временно "залечь на дно", пусть "дно" и будет располагаться в бесконечно высоком космосе. Катрен поначалу сопротивлялся:

– В космосе же думать надо, а это точно не мое.

– Конечно, желательно соответствовать эталону интеллекта, типа линейки для измерения ума, – не замедлил включить юмор Стинг. – Прислонился лбом, и тут же получаешь справку, мол, извини, парень, но лучше вернуться в ПТУ.

Шучу. Стрелять умеешь – вопросов нет. Зарплата в валюте, льготы разные. Армия, братан, – Стинг убедительно вскинул вверх кулак. – Пайковые, сорок баксов в день.

– Это сколько же тогда в неделю? – ошарашенно басил не склонный к наукам Катрен.

– Ну, перемножь семь на сорок, – не упустил возможности приколоться Стинг.

– Сорокью семь, – напряг мозги и тут же сдался Катрен. – Сам свои заморочки распутывай, я лучше наган лишний раз почищу.

– Почти триста зеленых. In The Army Now (Англ.) Ты теперь в армии, френд, – И смешливый малыш Стинг в прыжке хлопнул большого Катрена по плечу. Оба дружно заржали.

Миссия "Грызли" подвернулась друзьям очень и очень кстати.

Механик-"золотые лапы" Свазилыч, успешно отучившийся в родной Крысотеевке на тракториста-машиниста широкого профиля, волей случая – помог отремонтировать приземлившийся на вынужденную в кукурузное поле гравилет – расширил профиль до лучшего механика военно-космических сил.

Из рассказа Свазилыча.

– К семнадцати я ловко управлялся с любой сельхозтехни-

кой и должен был повторить путь всех деревенских парней. Судьба известная и незавидная. К семнадцати становишься трактористом-машинистом широкого профиля, к восемнадцати вырастаешь до мастера-комбайнера и женишься. Дальше просто: вспашка посевная, уборка – сорок раз, и тихая смерть, если раньше не спился и не повесился от скуки. Быстрые похороны и пьяные поминки. Ни счастья, ни радости в жизни. Самки в городе, а мне уже невтерпех: жениться-то мне не случилось. Прихожу к батю: "В хуторе три самки, у всех по четыре любовника, и на пятого меня они по времени не успевают. Поумерь пыл, батя, и дай дорогу молодым." Батя возбудился мгновенно. Дал подзатыльник, пинками загнал в кабину комбайна и побежал метить территорию. По жизни меня успокаивает только напряженная работа. Отправился косить кукурузу. Спасибо батю: отправил в нужное время, в правильное место, на которое и свалился голубенький гравилет с пьяным академиком на борту. – Свазилыч вздохнул ностальгически. – С благодарностью вспоминает родителей только поротое дитя.

Свазилыч даже по прошествии лет расплывался блаженной улыбкой, вспоминая, как сначала вытолкнул из грязной лужи гравилет, очистил свечи зажигания, вовремя доставил академика к его законной половине, и помог не "спалиться", высадив любовницу ученого за квартал до комфортабельной норы-особняка, где пожал и долго тряс испачканную мазу-

том натруженную лапу Свазилыча настоящий космический академик Будулай.

– Всего лишь случай, а определил жизнь, – мимоходом хвастался Свазилыч, к мнению которого теперь прислушивались инженеры-конструкторы новой техники. – Судьба перемигнулась с фортуной и показали юноше правильную дорогу.

С той замечательной поры Свазилыч при каждом удобном, равно и неудобном случае вставлял в разговор фразу: "Как однажды шепнул мне академик Будулай". Далее следовал так себе афоризм, например: "Жизнь – это последовательное расстройство изначально здоровой психики," – или еще смешнее: "Лучшему нет предела, – этим оно похоже на худшее". Банальности выдавал академик Будулай устами механика Свазилыча.

В качестве дополнительного обременения по настоянию спецслужб добавили в экипаж наспигованную до модельных параметров силиконом красотку Грету, обозвали "научным руководителем миссии", но, чем конкретно будет заниматься в экспедиции крыска с блудливо-хитрыми зелеными глазами и поминутно выпадающими из декольте титьками, не объяснили.

Привыкший к единоначалию и субординации Дэнс скрипел зубами, внутренне напрягался, но отбиться от напора высокопоставленных крысунов не смог. Злобно отслеживал на экранах шныряющую по отсекам и принюхивающуюся к запахам юркую крыску и ощупывал в кобуре старый надежный "маузер".

По странной ассоциации всплывали из глубин генетической памяти слова: "Комиссарша" и "Сука", иногда выговаривалось почти слитно, но всегда в одной последовательности: "Комиссарша-сука".

– Ладно. Не последний день у бога, не крайняя ночь у черта, – Дэнс поморщился и сплюнул. – Рано или поздно вылезет скрытая сущность, тогда и пободаемся с крысоткой-красоткой. Благо, остальная команда – мужики-самцы, красавцы brutальные. Вистоим каждый за себя и друг за друга.

Глава 3 Дэнс

Самцы могут быть орлами по жизни,
но "взлетают" лишь под взглядом самки

На самцов не угодишь.

Одна самка им не по нраву,
другая не по зубам,

третья не по карману

Планеты большие, малые и средние, с атмосферой и без, с признаками воды и состоящие из сплошных камней, проходили по экранам утомительной чередой. Бортовой сканер-эколот-спектрограф автоматически «просвечивал» каждую.

Анализировал отраженные данные, сверял с эталоном, родной планеткой Грызомачеха, но не загорался экран в ответ, хотелось думать "пока", победным оранжевым изображением знака "Виктория"; не появлялся обнадеживающе вскинутый вверх зеленый крысиный кулак в международном кличе "Но пасаран", зато регулярно зажигалась и подолгу сияла на мониторе насмешливо красным жилистая лапа с отогнутым вверх средним когтем – "полный облом". Примитивный черный юмор космолетов.

Погрызывая прихотливо изогнутый чубук капитанской трубки, выполненный из, чтоб надольше хватило, крепчайшего, гранитной крошки железобетона, Дэнс неприязненно оглянулся на непонятную белую точку, "Показалось или нет, что приблизилась?" – и нетерпеливо гаркнул в обкусанный микрофон:

– Кофе сегодня дождусь?

– Настоящий ячменный, мой капитан, – тотчас материализовалась справа от столика стройная подвижная Грета

и, будто нечаянно задев грудью локоть капитана, с веселой улыбкой протянула чашечку из прочнейшего титанового сплава. – На дне два десятка крепких зерен. Приятного грызения.

Дэнс, мгновенно забыв о кофе и трубке, вожаденно рассматривал и мысленно ласкал девочку-секси. Извивающийся, жадно обнюхивающий пространство кончик остренького носа; переливающиеся под серо-коричневой шкуркой подвижные мышцы; безупречно круглая попка, невероятно длинный, ни на секунду не замирающий в покое бесстыдно голый хвост, зеленые злобно хитрые глаза-бусинки, вздрагивающие под розовой майкой титечки: "Самые объемные титьки-шары не затмят остренькие девичьи грудки," – поспешно отвернулся, теряя самообладание от близости супер-сексапильной самки.

– Свободна, – буркнул, скрывая возбуждение.

– Разрешите спросить, капитан? – целомудренно теребя низ короткой коричневой юбочки-клеш, спросила Грета. – Вы на меня всегда так смотрите, будто раздеваете и почти ощутимо лапаете...

– На эрогенные зоны попадаю? – спросил хрипло, злясь, что выдал себя голосом. машинально погладил локоть, хранивший прикосновение теплой мягкой титечки. – Они у тебя общеизвестные или природа подарила эксклюзив?

– В вашем присутствии сливаются в одну и охватывают все тело, которое в ответ начинает сладко подрагивать и покрываться мурашками, мой капитан.

– Сэр! Только так! Постарайся обращаться по уставу, девочка, – твердо выговорил Дэнс. Не сдержался и невольно обласкал взглядом кругленькие мохнатенькие колени Греты.

– Чувствую прикосновения опытного соблазнителя.

– Любовь с первого взгляда! – грубо парировал Дэнс. – Даже не надейся, красotka.

– Или с первого взгляда – похоть? Но внимание мне приятно, – закончила Грета. Победно задрав хвост и повиливая бедрами, выплыла в межотсечный проход. Закрывая за собой люк, полуобернувшись и закрепила победу дерзким афоризмом. – Даже лучшим из самцов имя – не только "Орел", но и "Кобель".

«Звание кобеля надо еще заслужить и неумоимо подтверждать», – собрался парировать, но не успел Дэнс и добавил: «Сука!» – мысленно выразил в одном слове неудовлетворенное желание и досаду. Будто в насмешку всплыла в памяти народная Грызомачехская поговорка: «Видит око, да зубы не дотягиваются».

Красавчик и удачник по жизни Дэнс легко брал и бросал девиц, блондинок от природы и перекрашенных из брюне-

ток, но, когда сталкивался с обремененными маломальским интеллектом, наступал ступор. "Детская травма" – скрипя зубами выговаривал дурацкое, относительно подходящее к случаю определение, и погружался в меланхолию.

Реальность вновь и вновь заслонял плотно обтянутый миниатюрной голубенькой юбочкой выпуклый подвижный зад географички. Строго взглядывая на пацанов сквозь посверкивающие очки в массивной роговой оправе, учительша, повиливая и вздрагивая плотными бедрами, двигалась между парт, проплывала к доске, наклонялась за мелком; а следом опускались, и слезились от напряжения глаза мальчишек, мечтающих увидеть трусики красотки.

"Не рассмотрел, и в этом корень, – разочарованно додумывал мысль Дэнс. – Первый в жизни облом вырос в препятствие к сексу с учеными дурами."

Отхлебывая кофе и разгрызая каменно твердые зернышки ячменя, в очередной раз спросил себя, почему фигуристые самки-красавицы-умницы занимаются никому не нужным волонтерством, защищают природу, лезут в науку и политику, вместо того чтобы трахаться до одури с вполне приличными респектабельными самцами в их удовольствие и к своей выгоде, ... и в очередной раз не нашел ответа.

«Я всего лишь седец, мужлан. Пусть всесторонне образованный, отлично физически развитый, морально устойчивый и нравственно воспитанный.... Мне никогда не понять самок, – грустно резюмировал Дэнс, – но эту малышку обязательно защучу, завалю, заломаю, по полной программе отымею и заставлю извиваться от наслаждения. Дай срок. Слово мужлана!»

Глава 4 Чрезвычайное происшествие

Из любого "доброго" дела
торчат чьи-нибудь уши

Откинулся в кресле и тут же вскочил: «Да. Блин!», – скребнул ногтями по подлокотнику, и нажал кнопку вызова механика. Вспомнил, что при появлении и исчезновении Греты не слышал щелчка запорного устройства на межотсечном люке. К бабушке не ходи, кто-то из членов экипажа прогрыз дыру в переборке, сокращая путь в центральный пост.

Грозного вида усатый крыс Свазилыч, на раз устранявший все механические неисправности космолета, явился незамедлительно, и, как отметил Дэнс, щелчка опять не последовало.

– Да, сэр, – изобразил готовность к работе Свазилыч.

– И ты, брат? – грустно спросил Дэнс. Вцепился пятерней в нос механика и пригнул к столу. Настойчиво, будто вдалбливая в коричневое ушко каждое слово, продиктовал. – Сколько можно повторять: от герметичности корабля и его отсеков зависят наши жизни и судьба миссии. – Дэнс значительно возвел к потолку глаза-бусинки, еще раз придавил и отпустил нос Свазилыча. Продолжил тоном спокойного приказа:

– Прекратите прогрызать переборки, пользуйтесь люками. Немедленно заделайте дыру и передайте команде, что следующего грызуна лично утоплю в пожарной емкости.

– Ничего не получится, Сэр, – бережно потирая лапкой нос, осторожно возразил Свазилыч. – Предыдущая миссия сорвалась как раз из-за этого. Мы грызем быстрее, чем тоном. Наказанный прогрыз пожарный бассейн, и вода залила машинное отделение.

– Повешу заразу...

– Мы грызем быстрее, чем задыхаемся

– Палкой по башке...

– Перекусываем на подлете

– Отравлю...

– Сами-то верите? – в голосе Свазилыча мелькнули нотки глумливости. – Мы же неубиваемы, капитан. Как доверительно шепнул мне однажды академик Будулай: "Крысы

выживают даже после ядерного взрыва". Научно доказанный факт.

– Заканчиваем базар. Перегородки не грызть. Ответственная за сохранность переборок Грета.

– Конкретно в центральный пост она и прогрызла, – не удержался и наябедничал механик. – Сказала, что так быстрее, а мы должны следовать природе.

– Бд..! – издал нечленораздельный звук Дэнс, а, когда нашел слова, по-мужски объяснил механику, что сделает с Гретой.

– Лучше не надо, – предостерег, краснея, механик. – Сразу после взлёта ребята возбуждились и захотели попробовать свежатинок...

Дэнс мгновенно напрягся: "Опередили бруталы подколотые." Усилием воли подавляя ревность, насмешливо покривил губы.

– И как результаты? Все получили дозу удовольствия?

– Не то, что хотели... Теперь они девчата. У Греты и там зубы.

– Ерунду городишь? Физиологически невозможный случай, – удивился капитан Дэнс. – Дважды два четыре; завтра наступит завтра, вчера было вчера; днем – светло, самцы не рожают, – это аксиомы – истины, которые не требуют доказательств.

– Да, Сэр, – Свазилыч смутился от необходимости возражать командиру, – но академик Будулай сказал однажды: "Аксиомы только в математике, да и те до поры".

– Глубоко копнул академик, – оценил Дэнс, настойчиво прожигая механика ревнивым взглядом, – но вряд ли подходит к нашему случаю.

– Или ловко поворачивалась, – Свазилыч в недоумении расставил лапы, заюлил взглядом, машинально прикрывая коготками пах. Бледнел, краснел, но набрался мужества и кокетливо скосил глаза на командира. – Если коротко, капитан, на борту вы единственный самец, а я теперь Свази.

– Вот же задачка, – озаботился и потянулся к затылку Дэнс, но тут же отдернул лапу. – Сплошные девки вокруг: ни заматерись, ни почешись, где лапа дотягивается.

Глава 5 Мысли по поводу

Свою душу порой
открывать противно,
а уж чужую...

Переживаю за народ; хоть
на улицу не выходи – везде он

С хаосом бог, спасибо ему,
за неделю разобрался, но
созданное из хаоса скоро
трансформировалось в бардак

Капитан Дэнс на Грызомачехе считался образцом элегантности и носителем здравого смысла. Среди его достоинств соплеменники отмечали быстрый ум, обширные познания в разнообразных науках, умение мгновенно ориентироваться в нестандартных ситуациях и принимать единственно правильное решение.

Сейчас против Свазилыча стоял, растерянно разведя в стороны лапы, туповатый расслабленный мужчинка, с отвисшей до груди нижней челюстью. Новость, озвученная механиком, «вышибла из седла».

– Не выстояли самцы, – пробурчал под нос, непонятную для Свази фразу. – Усы сбрей, неполноценный, бабе не к морде как бы. Работайте.

Сплыл в командирское кресло и зашарил руками по панели управления, совершенно не ориентируясь, какую из многочисленных кнопок нажать первой.

Как ни свихнуться в этом безумном мире? Всего-то десятков лет тому аббревиатуры ЗОЖ и слуху не было: "Считали, что "визажист", "барбер" и "сомелье" – это и есть нездорово-

вая сексуальная ориентация. В какое замечательное время жили!"

Мысли путались, клубились, крутились, пытаюсь соединиться, упорядочиться, выстроиться в стройную нить, которая привела бы к решению, но не находилось кончика, чтобы ухватить и начать разматывать сумасшедший клубок.

Звякнул колокольчик и высветилась на зеленом табло белая надпись: "Спортивный час". Капитан машинально перебрался в кресло тренажера, включил "жим от груди", "средний вес", начал выталкивать и ловить на грудь виртуальную, но реально тяжелую штангу, на третьем качке упорядочившей мыслительный процесс.

«Ab incunabulis (Лат.) – с колыбели, с самого начала. Ab initio (Лат.) – с возникновения» – мимоходом всплыли в мозгу латинские фразы, и капитан ухватился за них, как за соломинку. Детство. Теплое и спасительное, в котором он среди многочисленных братьев и сестричек только пробовал тогда еще мелкие, но острые зубки под одобрительные напутствия шустрой мамы: «Грызем все, что видим!» и направленные высказывания вороватого папы: «Грызем все, что плохо лежит».

Потом юность, и лихая похвальба перед пронирыливыми

друзьями: «Грызу все, что шевелится, а в свободное время грызу гранит науки».

По мере взросления добавлялся жизненный опыт, легкомысленные постулаты набирали качество и жесткость: «Грызи ближнего, пока он не загрыз тебя!»; «Стань успешным: нагрызи бабла на обеспеченную старость!»

Права Грета: жители Грызомачехи не могли не грызть, – это их природа, натура, естественное состояние, в том числе и души. Неустрашимое стремление граждан грызть, вгрызаться, пере- и прогрызать, дробить все твердое до размера пылинки, которые уже не держались на зубах и уносились ветром в космическое пространство, вело планету Грызомачеху к закономерному финалу.

Всякий предприимчивый крыс точно знал, что выжить в рынке можно только в одиночку: ни один партнер не считается надежным и всегда может подставить, обмануть, перетянуть одеяло на себя, ограбить и загрызть.

"Дикий рынок" проявил и обострил природную агрессивность: жители Грызомачехи теперь даже не искали повод, чтобы вцепиться в горло ближнего. "И я не лучше, – взгрустнул Дэнс и поморщился, презирая себя, – невольно кошусь на каждую неприкрытую воротом вену."

Успешнейшие из грызунов, в прессе их называли «лучши-

ми», искали и находили способы и возможности выделиться из толпы-стаи себе подобных. Из телевизоров каждодневно выпячивались новые лидеры бизнеса: раскормленные морды еще кое-как умещались в экране, но оплывшие от сала уши приходилось оставлять за кадром.

Интернет мусолил проект олигарха Ч. Мобилизовав нетрудоустроенное население по обе стороны Грызомачехи, прогрыз туннель насквозь, и теперь мог добираться от места работы на Чукотке до припаркованной к пирсу в Аргентине яхте по прямой без перекрестков, развязок и пересадок.

Царь-премьер с лап сбился, пресекая воровство и грызню. Попытался на тщеславии сыграть и начал раздавать титулы: граф, князь, барон. Надеялся на воспитательный момент, мол, устыдится высокопоставленный: "Негоже герцогу воровать," – и перестанет однажды утром в понедельник. Увы, будто керосина подплеснул, воровать смелее стали: "Кто посмеет принца осудить?"

Призывы здравомыслящих и ученых крыс наталкивались на совершенное непонимание граждан: «Грызня наше второе «я», «альтер эго», если тебе ботану так понятней». Планета Грызомачеха воспитывала бойцов-всем врагов, поставивших во главу угла собственные интересы, готовых перегрызть горло ближнему, посмевавшему эти интересы нару-

шить.

Граждане грызли все, до чего дотягивались. Дома и огороды соседей; берега рек и деревья в лесах. Олигархи догрызлись до нефтяных пластов, министры ежедневно отгрызали от бюджета трех-пятимиллионные куски, стыдливо называя отгрызенное зарплатой.

Честолюбивые депутаты снизу-вверх прогрызали пол к кабинету Царя-премьера. Многочисленные партии и партийки, вроде бы должны олицетворять интересы населения, грызли ходы и тоннели в разные стороны, сцепляясь в смертельных схватках и хватая друг друга за «шкварник» на стыке интересов.

Творческая и научная элиты, сточившие зубы о запрительно умные фолианты академических библиотек, в междусобойной грызне переходили на абсцентно-кухонную лексику, а, когда не находили нужных слов, сражались, сплетались хвостами в клубки, похожие на змеиные.

Есть в крысиной натуре удивительная черточка, не хочется ждать, хочется всего и сразу. Можно подождать, пока сами вымрут, но много приятнее вцепиться в горло, всадить нож и привести противника или, кого таковым считаешь, своими когтистыми лапами и услышать предсмертные хрипы.

Грызомачеха валилась в ад, в тартары, в полную потерю себя. На любом клочке грунта, где только можно примостить когтистые лапы, сидел грызун и что-нибудь или кого-нибудь грыз.

Денс выключил тренажер и вернулся в пилотское кресло. Мышцы приятно ныли, но мысли, кажется, упорядочились.

– По уши в дерьме, а выкарабкиваться не спешим, благо ТВ утверждает, что это не дерьмо, а чистейший шоколад, а запах – крысиный дух. Только улыбнуться грустно, – мельком отметил на экране белую точку. – И с тобой разберемся, дай срок, и с комиссаршей: показала-таки клыки. В четыре щелчка зубов перетасила команду в стан голубков. Нестандартный ход, – оценил Денс, поморщился и добавил. – Сука. Собрав волю в кулак, объявил общий сбор.

Глава 6 Метаморфоза

Хотелось мерзавцем и циником,
а геном толкает в дураки

Филателист, гомосексуалист, фрилансер,
сифилитик – одно не мешает другому,
а также третьему и четвертому

Замок межотсечного люка мягко щелкнул, и один за другим, опасливо оглядываясь, в центральный пост прошли остальные члены экипажа. Грета блудливо рассматривала потолок, прятала от командира хитрющий взгляд и создавала вид полной непричастности и совершенной невинности и невиновности. Дэнс невольно возбудился: "Девушка не целованная," – тело самца отозвалось на несоответствие зрелых форм и глупенькой полу детской мордашки. "Хорошо прикидывается комиссарша-сука, – силой воли и грубым словом подавил возникшее желание. – Акткрыска, мать ее, Комиссаржевская".

Громадный, в полтора крысиных размера, оружейник Катрен вел наводчика Стинга за собачий поводок, привязанный к черному ошейнику с блестящими заклепками. На обоих черные кожаные трусы и мятые, "а ля американский коп", картузы. Еще вчера brutальные, хулиганистые, ни бога, ни черта не боящиеся оружейники, теперь поминутно обменивались липко сладкими взглядами. Дэнс напрягся, сделал глотательное движение и с трудом запихнул обратно в желудок рвотную судорогу.

Следом тяжело топотел Свазиыч-Свази, успевший облачиться в полупрозрачные лосины и широкополую мушкетерскую шляпу с пером. Замыкал шествие, подтягивая ро-

зовые ботфорты и стыдливо одергивая цветастенькое мини, едва прикрывающее зад, штурман-айтишник Блейд. Пользуясь положением второй мордочки в экипаже, Блейд пытался «состроить глазки» командиру, но Дэнс негодуяще отвернулся.

Не терявший хладнокровия в смертельных космических битвах бесстрашный крыс Дэнс чувствовал себя побитой собакой. С тоской осматривал некогда неудержимых в стремлении к победе в схватках с инопланетными кораблями бойцов, а теперь извращенцев, с восторгом надевших белые пачки и колготки и пляшущих на манер маленьких лебедей. "O tempora! O mores! (Лат.) – О времена! О нравы!" – вновь сбился на латынь измученный переживаниями мозг.

Стараясь казаться спокойным, уселся на штурманский столик, закинул лапу на лапу. Охлопав карманы комбеза, достал сигарету. Сломал несколько спичек, прикурил.

– Ну что, господа бывшие братья, которые теперь сестры-крысотки, доигрались? Устроили спортивный-парад на отдельно взятом корабле. Свазилич, усы сбрил? Красавчик! Давай, представь команду новообращенных трансгендеров... или, кто вы теперь? Вроде бы еще не самки, но уже не самцы? Транссексуалы? Не забыть бы уточнить терминологию в Википедии.

– Бог создал нас несовершенными, а мы исправляем и улучшаем..., – затараторила Грета.

– Бог, наблюдая тебя, уже проскреб в недоумении потыльцу до лысины и озирается в поисках свалившегося с башки нимба, – бесцеремонно перебил Дэнс.

– ЗОЖ – это очень продвинутый модный тренд, – горячилась и скалила зубы Грета. – Личная свобода и свобода личности.

– Агрессивно наступательная свобода, у которой лицо трансвестита, транссексуала, а то и вовсе – пидора. Ломает традиционно нравственное сознание грызунов даже не через колено, а через ж... Заткнись, пока не спрошу! – рывкнул Дэнс. Потянул и остановил кисть на пол пути к кобуре.

Команда ощутимо напряглась и попятилась. Трудно преодолеваемое желание пристрелить красотку, равно, как и отыметь извращенно, появлялось у Денса регулярно и часто, он даже не всегда мог определить, чего хочется больше. От «пристрелить» удерживал служебный долг. Грета научный руководитель миссии, и без росчерка ее хвоста на итоговом документе планета для переселения не может быть выбрана, а миссия завершена. Стремление «трахнуть сучку» окрасилось расширением-предостережением: «Чревато, там же зубы», – и Дэнс решил пока не обращать внимания на возмутительницу.

– Говори, Свази. Стой. Сначала проясним, откуда столько бабьего тряпья в мужском экипаже?

– Так это... Грета дала, – простодушно разъяснила Свази. – У нее такого добра на любой вкус.

– Готовилась, стало быть? Примем к сведению, – Дэнс подчеркнуто не обернулся к Грете. – Кстати замечу, со вкусом у тебя не очень: кривые лосины выбрал, да и маечка в груди плосковата. Продолжай.

– Выбрала, Сэр, – мгновенно налилась краской смущения Свази и отступила за штурманский столик, пряча от взглядов не стройные задние лапы. – Катрен теперь Катрина, а Стинг – Тина. Они у нас розовая пара.

– Как только на ровном месте появляется достойная шишка, мгновенно вскакивают рядом энергичные прыщи, готовые активно проводить политику шишки, – усмехнулся Дэнс. – Дом-два отдыхает, а почему "розовые" в черном?

– Черный цвет привносит пикантность в ощущения, – с приторной ужимкой пояснил здоровенный детина... Катрина.

– Прежде, чем осуждать, нужно попробовать понять внутренние мотивы, – долгим писклявым голоском отметилась Тина.

– А, если не понял, прямо спросить: "Ты что, козлина,

этим поступком выразить хотел?" – пренебрежительно парировал Дэнс, вновь обернулся к Свази, глубоко затянулся и направленно выдул струю дыма в бритую морду. – Дальше.

– Как шепнул мне однажды...

– Ну-ка, удивительно разносторонний болтун твой академик, – удивился Дэнс. – Так что же сказал о трансах Будулай?

– "Красоту грешно по углам прятать: часть генетического крысиного фона. Может быть, определяющая часть".

– Соглашусь с академиком, – Дэнс выдул в мордочку механика более густую струю. – Крысы традиционно красивы. Дальше.

– Штурман-айтишник Блэйд, выбрал имя Блинда, – Свази приподняла лапу к носу и попыталась отогнать дым в сторону.

– Надо же, – хохотнул Дэнс, – у меня на языке другое слово крутится. Бд. Кстати, точнее, без связи с предыдущим. Блинда-Бд..., пришельцев отслеживаешь?

– Да, Сэр. Исчезали на час и вернулись, – виноватым голосом пропищала айтишница.

– Еще задачка, но оставим пока. Свази, не крути носом от дыма. Восприми как окуривание от нечистой силы. Перекрестись и сплюнь через левое плечо. Плевков будет по адресу. – Дэнс неприязненно глянул, отодвинул взглядом Грету. – Так

что с Бд. Блиндой?

– Блинда пока в поиске, – умильно скривился (лась) Свази.

– А ты, стало быть, свободная, готовая к приключениям и отношениям дама? И как вас красивых-крысивых воспринимать? Помнится, у Хэма старик сравнивал с рыбой, пчеловод – семью с ульем. Чабан находит общее у нас и баранов, и это, пожалуй, самое верное сравнение, – хохот Дэнса прервал зуммер вызова с Грызомачехи. – Айтишник, Бд.... Как там тебя? – Окликнул штурмана. – Работай.

Глава 7 Тревога

Показал зубы, а они пусть гадают - улыбнулся или оскалился

– Радиограмма, Сэр.

– Читай вслух. Я ничему не удивлюсь и ничего не испугаюсь. Все страшное уже случилось.

– Кроты, суслики, бобры, по нашему примеру, прогрызли насквозь свои планеты и запустили корабли, аналогичные нашему, на поиски нового жизненного пространства. Будьте готовы к недружественной встрече.

– Praemonitus praemunitus (Лат.) – Предупрежден – значит

вооружен. Неожиданно! А я думал, мы первые и единственные в космосе, – Дэнс весело оглянулся. – Шучу. Не думал, просто, воспринимал как данность. Мы первые, единственные и насовсем. Мир может протестовать, но мы будем существовать, считая, что развиваемся, всегда в единой заданной богом, или кем-то выдающим себя за него, ипостаси. Опять пошутил. И что же меня так разносит? Конкуренты, мать их! "Еще амуры, черти, змеи по сцене скачут и шумят.* Жизнь – театр. Возможно придется драться, да еще во главе бабьего батальона.

– Приметы, опять приметы, – испуганно попятилась от Греты Свази, – впереди бой, а у нас снова баба на корабле.

– У нас на корабле пять баб, – кратко и грубо осадил Дэнс. – Победа в бою по-любому не светит.

– Женофоб. Вы считаете самок слабаками? – моментально окрысилась Грета. – Наш внутренний мир...

– Не женофоб, а бабоненавистник, – без церемоний перебил Дэнс. – У конкретной тебя не внутренний мир, а злобная пасть. Всегда направлена на удивлять, покорять, подавлять, воздействовать на внешнего пользователя. Типа, главная. Делаю со всеми, что хочу. Радуюсь, когда пьёшь чужую кровь. Вампириша. В зеркале не отражаешься.

– Зато отражаюсь в похотливой слюне озабоченных упы-

рей, – Грета оскалилась и изготовилась к прыжку. – Требую толерантного отношения к меньшинствам, а вы не должны высказывать такие обвинения публично...

– Народ должен знать своих сук. Заткнись и молчи, фе-министка, – сверкнул клыками Дэнс.

– Грета наш неформальный лидер, – неожиданно и неуместно подала голос Свази.

– Поосторожней с терминологией, – мгновенно напрягся Дэнс. – Если появился лидер, значит сформировалась оппозиция, пусть и насквозь голубая. Чревато на военном корабле, который проводит боевую операцию и наказывает нелояльных капитану по законам военного времени. Места на ря-ях хватит всем. Понятно объясняю?

– Понят... – Свази согнулась, попятилась и уперлась задом в переборку. – Грета сказала, что мы отстаиваем идею терпимости к меньшинствам.

– Всякая идея по мере развития превращается в абсурд, – усмехнулся Дэнс, вытащил из кобуры маузер и задумчиво почесал стволом висок. – Идея терпимости к меньшинствам: трансам, спортсменам и вегетарианцам, приверженцам нетрадиционной кулинарной ориентации, – последовательно обращает меньшинство в большинство и делает их главными в доме. Чтобы я терпимо относился к веганам!

Нет! Не наш случай! Веганы, голубые, сторонники ЗОЖ (здорового образа жизни) агрессивны и нетерпимы в насаждении своих идей. Я здоровый brutальный любящий мясо самец. Всяких нетрадиционных рву на пазлы и рассыпаю перед сортиром. Даже, не надейтесь! Все по рабочим местам, форма одежды – два.

– Что значит «два»? – на излете протеста полусшепотом выкрикнула Грета.

– Скафандр держать в пределах видимости, – пояснил(ла) многоопытная Свази, – а работать можно пока в сексуальных труселях.

Команда радостно разбежалась по боевым постам.

– Толерасы, вашу мать! – отчетливо выругался вслед команде Дэнс.

*А.С.Пушкин "Евгений Онегин"

Глава 8 Задача

Когда неприятностей набирается
на "гордиев узел", появляется
повод по ним рубануть

Грызозлет «Грыззли» продолжал полет по заданной программе, «прочесывая» вечный, необъятный, бесконечный космос. Перемещаясь от галактики к галактике, определя-

лись с центром притяжения, некоторое время любовались и удивлялись разнообразию и разноцветью встречающихся звезд. Последовательно изучали все вращающиеся вокруг планеты и уже привычно констатировали отсутствие не только положительного, но и сколько-нибудь приемлемого результата.

Пока работает компьютер, команда бездельничает – это закон. Праздность порождает стремление к развлечениям, попыткам как-то себя занять, скрасить унылые космические будни.

Дэнс передернул плечами и едва сдержал рвотный позыв: команда одномоментно поголубела, сменила пол – и это только начало пути. Смял когтистой лапой и забросил в подвешенную под потолком корзину пачку сигарет. Блестящий фольгой комочек тут же вывалился через дырку внизу и шлепнулся на панель управления. «И туда грызуны добрались,» – обреченно выдохнул Дэнс. Прихватил лапой железобетонный чубук и торопливо сунул в рот. Капитан мог спокойно, направленно, продуктивно, рационально думать, только отгрызая от чубука особо крепкие куски гранитного щебня и перемалывая их в пыль острейшими в цвет топленого молока большими зубами.

Теоретически, поиск мог увенчаться успехом быстро.

Нужная планетка вдруг вынырнет перед экраном наблюдения в шаговой доступности, окажется достаточно съедобной для прожорливого крысиного племени... или условно съедобной, то есть годной для грызения в переходном временном отрезке.

Увы, энциклопедически подкованный, закаленный в многочисленных перелетах и дальних путешествиях, капитан Дэнс точно знал, что так не бывает, и команде придется недели и месяцы, не исключено, годы болтаться по космосу и бездельничать в ожидание результата.

Привычно поймал взглядом белую точку-звездочку на экране. Ни влево, ни вправо: на том же месте, как приклеенная. "Пусть понаблюдают, если больше заняться нечем."

Радиограмма о появлении на маршруте конкурентов не оказалась для капитана неожиданностью. Грызуны, как бы они себя не обзывали: крысы, мыши, суслики – нижний уровень; белки, кроты, бурундуки – интеллигентская прослойка; и высшая каста, так называемая элита: бобры, ондатры, выдры, – по сути оставались теми же крысами. Безостановочно грызущими, злобно взглядывающими, жадно набрасывающимися на добычу. Закономерным результатом их деятельности являлась разнесенная по космосу пыль уничтоженных планет.

Дэнс хищно улыбнулся и с особым удовольствием откусил от чубука обнажившийся металлический прут арматуры. Для превращения мужчинки в девицу, недостаточно отрезать причиндалы. Равно, и девица не станет мужиком, если ей пришить член. Половая принадлежность в голове – это аксиома, а, значит, есть шанс вернуть экипаж к работе. Теперь капитан знал, что делать. Нагрузка на пределе возможностей крысиного организма – это единственное, что способно вывести команду из расслабленного состояния.

Заставить команду работать, думать: "Движение – это не только ногами по полу и руками в пространстве. Движение – это мысль, которая крутится в мозгу, пока тело блаженствует на диване." И определиться попутно, где замаскированный друг, а где напрашивающийся на дружбу враг.

Глава 9 Решение

Дурак может найти множество ответов
на вопросы, которые умным
не придет в голову задавать

Капитан включил мульти экран. В разноцветных квадратах обозначились боевые посты корабля и внимательные, готовые слушать и выполнять, мордочки. Экипаж пока нахо-

дился в режиме исполнения приказа «Готовность-2», но, если не последует продолжения, скука вновь вернет команду к трансгендерным развлечениям или, Дэнс мгновенно вздрогнул и вспотел, или придумают что-то еще более экстремальное: "Напористы нетрадиционные, хочется им всех встречных-поперечных в свою веру обратить... и в нужную позу поставить".

Компьютерщик Блэйд-Блинда, манерно отогнув мизинец, игриво трогала коготками кнопки виртуальной панели. Свазилыч-Свази, поминутно подтягивая сползающие лосины, расставлял запасные блоки и коробки с предохранителями в машинном отделении. Оружейник Катрен-Катрина и наводчик Стенли-Тина, интимно воркуя, собирали затворную раму лазерной пушки.

Грета, целомудренно придерживая лапкой декольте, распахнувшееся до прикрытого пушком пупа, торопливо черкала заметки в блокноте, но не забывала кокетливо посматривать на капитана томным взглядом злых зеленых глазок. «Сука! – в очередной раз выругался про себя Дэнс. – Поставила себе целью: подмять экипаж. Вот только я пока сопротивляюсь. Очередную каверзу готовит. Обретают тупую агрессивную наступательность самки, заряженные идеей. Надо быть настороже»

– Бойцы! – гаркнул в микрофон и мысленно добавил: «Вашу мать!». – Бойцы, все на подготовку корабля к бою. Проверить и, в случае необходимости, дополнить комплектность снарядов в орудийных башнях. Распломбировать люки торпедных аппаратов и ракетных шахт. Форма одежды – одноразовый скафандр. Вопросы есть? Вопросов нет...

– Есть, – поспешил поднять лапу оружейник Катрина. – Нам с Тиной хотелось бы поработать в двухместном скафандре.

– А шестиместный не хотите для групповых извращений в безвоздушном пространстве? – не упустил случая поиздеваться Дэнс.

– Групповушникам теперь имя «свингеры», – не замедлил сверкнуть интеллектом штурман-айтишник Блинда, бывший Блэйд. – Более высокая ступень в отношениях, до которой ребятам еще расти.

– А кроме тебя ещё кто-то знает, что у тебя есть чувство юмора? И... одерни жопу, юбку видно, – грубо парировал Дэнс. Взглядом прищипил моментально покрасневшего айтишника к штурманскому креслу и вновь повернулся к «розовой» паре. – Фантазия бьёт ключом. Вам бы эротику об извращениях в безвоздушном пространстве снимать, озолотели бы. Работать будем или попробуем дорасти до свинства?

– Как вы могли подумать, командир? – вздрагивающим от негодования писком ответила Тина. – Я и Катрина храним верность, пока не догорит звезда нашей любви и внезапная смерть не разлучит нас.

На последних словах Катрина и Тина ласково взглянули в глаза друг другу, смахнули слезы умиления и зашмыгали носами

– Мы продуктивнее работаем, когда чувствуем единство горячих тел и созвучие девичьих душ, – поддерживая подружку, пробасил Катрина. – Возьмем двухместный?

– Даже не мечтайте, голубки, – налился багровой злостью Дэнс. – На работе думаем о работе, а единением натешитесь по возвращении... если вернетесь.

Выход в открытой космос реально опасен не только для вышедших, но и остающихся в корабле. Крыс, порой, «на автомате» прогрызал скафандр и, оказавшись без кислорода, начинал в панике прогрызать снаружи обшивку корабля, что приводило к разгерметизации отсеков. Одну дыру в корпусе можно успеть заделать быстро, но две грозят потерей корабля.

Скафандры потому и назывались одноразовыми, что ни у одной из крыс не хватало терпения расстегнуть застежку «молнию», и космонавты напрямую выгрызались из скафандра и шлема.

– Еще раз для тупых, – голос капитана зазвенел, оттачивая каждое слово, – Наденьте чехлы-назубники и работайте, стиснув челюсти. Ваши жизни нужны мне, кораблю «Грыз-ли», миссии "Грызли" и нашей Родине Грызомачехе.

«Умею сказать и воодушевить мерзавцев,» – мысленно похвалил себя Дэнс, наблюдая, как подтянулась и заблестела глазами команда.

– Вперед, орлы, – капитан вздернул кулак и стиснул челюсти, сдерживая смех: "Орлы, орлицы, горлицы, колибри-ки.... И как теперь обзывать новоявленную крысиную стайку голубков?"

Глава 10 Из глубины крысиной души

Никогда не знаешь заранее,
какой высоты пламя
сжигает изнутри пешку

Дэнс, отслеживая через экраны наружного наблюдения шныряние экипажа по корпусу корабля, постукивал коготками по панели управления и пытался отыскать ответ на вопрос: «Что дальше?». Перезарядка, настройка, пусть еще приборка – это, от силы, день, полторы рабочих смены. Потом снова скучающий экипаж, и развлечения на грани фола. С надеждой косил глазами на локатор, надеясь увидеть ата-

кующие корабли конкурентов: "Пара-тройка часов азартной работы и заряжающих эмоций-впечатлений были бы кстати", – и думал, думал.

Понимание настроений ближних начинается с самоиронии, с умения высмеивать своего внутреннего "мудреца и сенсея". На свой счет Дэнс так же не заблуждался. Уже сейчас нестерпимо хочется самку, самочку, девушку, девицу, с низкой социальной ответственностью, а лучше с полным ее отсутствием. Облизнулся и тыльной стороной лапы вытер увлажневший рот.

За время бесполезных странствий, желание обретет статус навязчивой идеи. «Idee fixe (фр.) – «идея фикс», – торопливо подсказал мозг подходящий термин. «В маньяка превращусь, – грустно резюмировал Дэнс попытку собрать мысли в единое и, по-возможности, целое, – и начну преследовать обращенный Гретой в девиц экипаж. Воздержание наберет критическую массу, и тут, воленс-ноленс, придется искать, как, наплевав на мораль, разгрузить свою добродетель. Последовательно пересплю с айтишником Блейдом, оружейником Катреном, наводчиком Стингом, а там дойдет очередь до механика Свазилыча..., а потом самки начнут сражаться за единственного самца. Будут выдирать подружка из подружки шерсть ключьями, таскать за волосы по полу и глаза выцарапывать сопернице – захватывающее зрелище, своеоб-

разное эротическое удовольствие. Твою ж мать! Неудержимо деградирую из джентльмена в сексуально озабоченного кабана.»

– А ведь есть планета. Некомфортная, неухоженная, некрасивая, грязная, вонючая, на Грызофею не похожая, зато рядом, – Дэнс вздрогнул и осторожно оглянулся, не подслушал ли кто его мысли, не прочитал ли тщательно запрятанную в дальний уголок памяти страницу, которую сам никогда не открывал, но всегда помнил, что она есть.

Иногда, всегда внезапно, чуткий нос Дэнса вспоминал запахи, и тогда рвотные судороги дергали выпуклый кадык под твердым подбородком, а на всегда бесстрастную морду сползала рябь морщин и складывалась в тревожную тень.

– Есть такая планета, где братьям-крысунам "воленс-ноленс" придется, прежде чем погрызть красивое и вкусное, это вкусное и красивое создать, – повторил Дэнс. Помедлил, держа лапы на штурвале. Вновь представил себя в постели со Свазилычем, выблевал в плевательницу куски не пережёванного бетона и без колебаний развернул корабль на новый курс. – Есть такая планета, а имя ей Грызозолушка.

Глава 11 Чашечка кофе

Охотник теряется и опускает ружье
в недоумении, когда лиса
сама на него охотиться начинает

– Грета, кофе в центральный пост.

Грета торопливо вскочила с кресла. Вздروгнули, качнулись в декольте мохнатенькие титечки. Юбка колыхнулась, приподнялась, открывая глазам Дэнса пушистую округлость бедер, подчеркнутую кружевной резинкой розовых чулок.

Передние лапы капитана невольно задвигались: левая потянулась к ширинке, правая дергала застежку кобуры.

– Бд... – хрустнул челюстями Дэнс. – Там же зубы. Пристрелю суку.

Вытянул из деревянной кобуры верный маузер, доставшийся от отца, ушедшего на покой депутата, а прошлом отвязного бандита-беспредельщика, с погонялом Огрызок. Отцу маузер достался от деда Эдуарда Несгибаемого, жёсткого гэбиста и проводника идей, без эмоционально отправлявшего бывших соратников-приятелей-подельников в бессрочную каторгу. Деду от прадеда, революционного матроса Фёдки Кучерявого, сбежавшего с крейсера на заурядный перепихон с блудливой подружкой Анжелой, аккуратно перед выстрелом по Зимнему.

Ностальгические воспоминание чуть успокоили возму-

щенное сознание. Задумчиво погрызывая ствол пистолета, включил Грызомачехские вести. Поморщился от воплей несимпатичных политологов, скрежетнул зубами на грызную министров и совершенно скис при взгляде на лощеную мордочку нестареющего бессменного Царя-премьера. Перещелкнул на прогноз погоды: полюбоваться фигуристкой, туго обтянутой голубеньким брючным костюмом, ведущей. Самочка, удерживая выпяченную грудь строго в профиль, плавно развернула бедра в полу анфас, и Дэнс вместе с миллионом самцов-телезрителей судорожно сглотнул, вспотел и напрягся.

– Ваш кофе, капитан, – как всегда из ниоткуда возникла у Грета.левой лапкой дотронулась и чуть погладила плечо, краем легкой короткой юбчонки, будто нечаянно, коснулась правого колена задней лапы. Кокетливо покосившись, поймала взгляд, жадно ощупывающий ее тело, зарделась щеками и добавила в приветливую улыбку толику радостного смущения. Заученным движением застенчиво прихватила и потеревала ворот розовой блузки, давая возможность увидеть темно коричневый напряженный сосок. "Ты уже мой!" – отметила про себя. Мельком глянула на экран. – Обратите внимание на тайфуны, смерчи и лесные пожары. Похоже, природа начала сопротивляться, но мы, конечно, преодолеем...

– и развеем по космосу в пыль нашу Родину, – в тон про-

должил Дэнс, с трудом отведя глаза от сладких прелестей. Добавил в голос насмешливости. – Легкомысленны мы, даже грабли не меняем, раз за разом наступаем на одни и те же. Правители уже собирают вещи и стройматериалы, чтобы строить бункера и дачи, на планете, которую мы пока не нашли.

– Это правильно, – не заметив в словах капитана иронии, подхватила Грета. – Плебеи сдохнут вместе с Грызомачехой, а элита, золотой миллиард, создаст общество богатых, умных и красивых на новой родине.

– Ребята-олигархи-"Золотой миллиард» работают активно на сокращение численности крысоособей: войны по всему миру, эпидемии рукотворные. – Дэнс вздрагивающими лапами размял сигарету, переломил и бросил в пепельницу. – И заметь, никто не возмущается сокращением, наоборот, считают благом. Убить крысу – в порядке вещей, а попробуй тронь жучка, стрекозленка или, не дай бог, амурского краснокнижного кота – вопли на всю вселенную. Развелись на нашу голову либералы в зеленых курточках, и теперь котяру нельзя пальцем тронуть даже в порядке самообороны.

– Красивые крысы должны жить в чистой естественной природе, – Грета оскалилась и злобно посверкивала зелеными глазками, – и дышать чистым воздухом, не отравленным

вонючими выдохами нищелюбов.

– Рассуждаешь, как наши депутаты, – презрительно скрипел Дэнс. – Треть крыс за чертой бедности. Ерунда. Отстрелять, и все дела. Бедных не будет.

– Не так жестко, но где-то как-то так и, кстати, вы же понимаете, что золотой миллиард – это условное число, более креативное, чем точное. Может быть, критерий ужесточат и оставят "золотую тыщу", только-только на развод, как Амурских котов. Зверюг буквально по головам считают, а они обгаживают и усложняют жизнь всем тамошним обитателям,, – Грета чуть подвинула к капитану исходящую паром чашечку по приборной панели. – Уверена, мы найдем и подарим крысам новую планету. Я оптимист.

– Оптимистка, – машинально поправил Дэнс и усмехнулся грустно, – а я от слова "оптимизм", теряюсь. Я и оптимизм рядом не стояли, не сидели, не лежали, не шли, не бежали.... Если будет время, можешь продолжить список глаголов, которые пишутся раздельно с частицей "не".

Глава 12 Флирт

Самец всегда охотник.

Если самка навязывается,
он чувствует ненормальность

ситуации и выставляет защиту

Дэнс моргнул и глянул снова. Глаза не обманывали: когти на лапках Греты покрашены в разные цвета.

– Это, чтобы не перепутать правую и левую, или одноцветного лака на обе не хватило?

– Мода, – Грета, обрадовавшись вниманию, кокетливо, капитану показалось, угрожающе, покрутила маникюром перед мордой капитана. – Мода, только мода, как непарные носки и разнофасонные туфли на лапах; попытка креативных господ выделиться из толпы серого инкубаторского быдла. Помните у классика: «Быть можно дельным индивидуом...

– ...и тупо сдохнуть от ковида,» – бесцеремонно перебил Дэнс.

– Актуально пошутили, командир, – подхихикнула Грета, не оставившая надежд заслужить лояльность капитана, – Но у классика, если помните, речь о...

– О когтях! – еще более грубо оборвал Дэнс. – Не помню, и тебе советую забыть. – Подержал паузу. – Через пару-тройку часов у нас появятся признаки результата.

– Есть съедобная планета? – Грета попятилась, споткнулась и шлепнулась мимо кресла второго пилота задом на пол. Коричневая юбочка задралась выше пояса. Дэнс едва

не взвыл от зрелища мохнатых округлостей между розовыми чулками и белоснежными трусиками-неделька.

Непроизвольно откусил от ствола мушку, резким движением вернул оружие в кобуру. Из последних сил сдерживая возбуждение, подхватил Грету под локотки, толкнул в кресло и отвернулся. Пытаясь успокоиться, подвигал туда-сюда компьютерную мышь на панели управления и продолжил ровным голосом.

– Планетка называется Грызозолушка, чуть меньше нашей. Соответственно, меньше сила тяжести и разреженной атмосфера, но мы можем оказаться не единственными претендентами.

– Там есть жители? – Грета смотрела серьезно, но от недавнего приключения на ее щеках еще рдел румянец.

– Да, – скрывая смущение нарочитой грубостью, ответил Дэнс. – По моим данным там водятся различные экзотические аборигены.

Включил большой экран и когтем отметил серый шарик в центре. Двинул по панели мышкой, увеличивая изображение, и перед глазами возникла поверхность: темные долины и множество островерхих пирамид.

Память, как наказание. Дэнс не мог оторвать глаз от кар-

тинки. Мозг искрой прожгла фраза: «Третий рейс», – и тело под мягкой шерсткой мгновенно покрылось холодным потом и отчаянно засвербело. Капитан сунул голову под мышку и принялся торопливо вылизываться, одновременно расчесывая всеми четырьмя лапами шерсть на ягодицах и животе, нервно поскуливая, пытался дотянуться и почесать спину.

Грета, вытаращив глаза-бусинки, с испуганным недоумением наблюдала странные телодвижения командира. В центре экрана стремительно вырастали черные пирамиды планеты Грызозолушка. Дэнс безотрывно смотрел на изображение, его верхние зубы с лязгом бились о беспорядочно тряскую нижнюю челюсть.

Двигаясь, будто в трансе, Грета придвинулась к командиру, заслонив собой экран. Погладила лапы, притянула к своей груди голову, нежно прикусила ухо. Дэнс начал успокаиваться. Лязганье зубов сменилось всхлипываньем. Обхватил Грету и усадил на колени.

– В пятницу тринадцатого Черная Кошка пустым ведром разбил зеркало, а еще была баба на корабле, и это был третий рейс, – сквозь частые всхлипы выговорил Дэнс.

– Черная кошка не разбил, а разбила, – ласково поправила Грета.

– Нет, разбил, – угрюмо возразил Дэнс. – Черной Кошкой

звали парня, который умел хорошо драться. Мы были молоды и легкомысленны тогда и не обращали внимания на сгущающиеся вокруг приметы. Только Свазилыч...

– Свазилыч? – удивилась Грета, и поерзала задом, плотнее устраиваясь на теплых коленях.

– Старший товарищ и, можно сказать, наставник в моих первых рейсах. Более долгим знакомством со Свазилычем может похвастаться разве что академик Будулай. Механик предупредил и оказался прав, сказав, что третий рейс для нас добром не кончится.

Дэнс вздохнул, хотел прижать Грету, но прижался к ней сам и начал рассказ.

Глава 13 Память как наказание

Воспоминания – это отражение
скопившихся и давящих грехов

Пять лет тому, Дэнс, младший лейтенант космических сил, стажер транспортника-ореховоза «Скребущий», радостным метеором летал по кораблю. Транспорт с грузом орехов-крепышек шел рейсом на Грызомачеху с планеты Грызофея. Рядовой рейс, привычный груз.

Ореховозы сновали между планетами с регулярностью пригородных электричек, доставляли крепышки для депута-

тов и высших чиновников Грызомачехи. Считалось, что ядрышки орехов обостряют ум и стимулируют выработку тестостерона.

Ум властным людям требовался для защиты награбленного у вороватого народонаселения, а тестостерон позволял иметь тот же народ во всех известных позах двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Двадцать четыре на семь.

Ореховозы прилетали на Грызофею всегда в сумерках, когда у птиц начиналась куриная слепота и стартовали до рассвета, что позволяло брать груза втрое больше оплаченного. Птицы догадывались, что их грабят, но со снисходительностью благородных и щедрых смотрели на наглость соседей сквозь маховые перья на широких крыльях.

Дэнс по-щенячьи восторгался каждой кнопкой, мог бесконечно любоваться проплывающими по главному экрану звездами, и не понимал, как может команда непрерывно наливать пивом, спорить о политике, грызть орехи и спать, когда вокруг столько нового и интересного.

За разъяснением обратился к единственному всегда безупречно трезвому члену команды механику Свазилычу.

– Оно тебе надо, юноша? Мечешься целодневно в восторге вновь посвященного, но подобные восторги быстро разбиваются о реальность. Ты стажер – ученик без обязанностей

и ответственности. Вот и радуйся жизни под хруст разгрызаемых орехов, – ухмыльнулся в густые начинающие сесть усы старпер. Зачерпнул из кармана комбинезона горсть орехов и одним движением широкого языка слизал их с лапы. Усердно разгрызая и прожевывая, шепеляво продолжил тоном наставника и старшего товарища. – Транспорт взлетает, садится в космопорту и едет по космосу без нашего участия. Как доверительно шепнул мне однажды мой друг...

– Будулай, – Дэнс поторопил неспешный рассказ.

– Академик Будулай, – ревниво поправил Свазилич. – Он сказал: "Космический корабль похож на ладью Харона, в которой мнение пассажиров не имеет значения", а мы пассажиры во время полета, и грузчики, такелажники, стропали, как хочешь назови, после посадки. Разгружаем орехи и радуемся, что смерть в очередной раз прошла мимо.

– Смерть? – недоверчиво округлил и без того круглые бусинки глаз Дэнс.

– А ты не знал? – в свою очередь удивился Свазилич. – Молодо-зелено. Слушай сюда, салага. – Свазилич цепким взглядом окинул машинный отсек, отдельно всмотрелся в показания контрольных приборов, перещелкнул тумблер, еще раз глянул на замершую стрелку и удовлетворенно кивнул.

– Да, говори уже, – Дэнс едва не подпрыгивал от нетерпения.

– Сначала ответь на вопрос, – Свазилыч, нагнетая значимость будущему рассказу, сдвинул очки на кончик носа и глянул на стажера поверх круглых стекол. – Чем отличается Грызомачеха от Грызофеи?

– Детский вопрос, – фыркнул Дэнс. – Грызофея похожа на рай, Грызомачеха ближе к аду. У нас ямы, колдобины, ухабы; все поломано, перегрызено, разбросано, обгажено.

– Добавлю, – подхватил Свазилыч, – На Грызомачехе есть своя Чукотка и своя Аргентина, до которой паскудный крыс – губернатор – добирается к роскошной яхте по прогрызенному через планету тоннелю. А на Грызофее?

– На Грызофее все прибрано, ухожено, вычищено, выметено.

– О! – Свазилыч поднял вверх указательный коготь. – Грызомачеха – чистилище, с рождения до смерти испытаниям нас подвергает. В рай, как правило, не достаиваемся, зато и Родину долго не бременим. При том что неустанно что-нибудь грызем, тащим, прячем, а на Грызофее ни я, ни ты, никто другой не видел птицу с метлой, совком или лопатой. Почему так?

– Субботники устраивают? – вспомнил учебник истории Дэнс.

– Имя ему «Смерч», – Свазилич опасливо оглянулся и понизил голос. – По планете регулярно проносится закрученный в трубу столб воздуха и засасывает ореховую скорлупу, птичий помет, сухую траву, всех, кто не успел спрятаться, и уносит в неизвестные дали. Птицы уворачиваться научились, а наши корабли – нет. В прошлом году пропали два транспорта. Где их искать, никто не знает, а у «Скребущего» через неделю третий рейс.

– И чем он отличается от первого и второго? – с юношеским максимализмом скептически скривился стажер.

– Два корабля исчезли, аккуратно, на третьем полете, – напористо разъяснил Свазилич и, внезапно загрустив, повторил, – Третий полет.

Глава 14 Самая страшная примета

Я не выбираю безусловное отрицание,
но до сих пор не нашел и подтверждения

Неприятности начались на подготовке к старту. Стажер Дэнс, всегда безупречно соблюдающий регламент, явился на космодром к восьми ноль-ноль, ровно за четыре часа до взлета. На проходной сверкнул левым клыком в датчик сканера-идентификатора и опасливо прошмыгнул, бережно стискивая горстью хвост, мимо гостеприимно распахнувшегося

турникета. За спиной разочарованно лязгнули сомкнувшиеся створки.

– Все во имя крысы, все во благо крысы, – Дэнс оглянулся и сплюнул. Не мало работников космопорта оставили на турникете треть, а то и половину хвоста, но поменять конструкцию администрация отказывалась наотрез: "Чтобы не казалась малиной жизнь" и "Не пристало искать легких путей".

Подрагивая от утреннего озноба, шустро зарысил к стартовой платформе «Скребущего» и удивился отсутствию экипажа. По времени, вокруг корабля должна кипеть работа: загружаться в бункера-кластеры тара для орехов, сновать топливозаправщики.

Увы, только у третьего стабилизатора возился, посверкивая вспышками плазменной сварки одинокий крыс.

– Свазилыч, – узнав механика, окликнул стажер. – А где народ?

– Народ? – Свазилыч поднял сварочную маску с черным стеклом на затылок и ехидно прищурился. – С таким народом диверсантов не надо.

Свазилыч пнул ногой стабилизатор корабля и абсцентной лексикой изложил свое мнение о Грызомачехском населении вообще и об экипаже «Скребущего» в частности, попутно высказал негативное мнение о правительстве планеты, нехо-

рошими словами отозвался о руководстве космопорта. Добавил откровенно матерные эпитеты к словам «диспетчер», «руководитель полетов» и «служба ГСМ (Горюче-смазочные материалы).

– Проспали? – воспитанный на классической литературе Дэнс, не поняв и половины из сказанного механиком, удивился. – Как можно спать в такой день?

– День обычный: можно есть, пить, спать и грызть, а полет у нас третий, – сварливо отозвался Свазилич. Разглядев недоумение на мордочке Дэнса, опустил до разъяснений. – Говорил же: третий полет, как ступенька, можем перешагнуть, а можем...

– Не вижу связи, – неуверенно возразил Дэнс. – Некоторые ореховозы по десятку рейсов намотали.

– Им повезло, и перед стартом с них не сбегали крысы. Плюс, который на самом деле минус: сегодня тринадцатое. Напомни, какой день недели?

– Вчера был четверг. Ты о чем вообще?

– Много наук ты изучил стажер, а мудрость в народе...

– Да ну? – Дэнс развеселился упертости механика и только ждал случая, чтобы заржать во весь голос.

– Гну! – по-народному коротко ответил Свазилич и, приглушив голос до загробного, разъяснил. – Самая страшная примета: когда в пятницу тринадцатого черная кошка пу-

стым ведром разобьет зеркало, а мы половину всех плохих примет уже собрали...

– Ты забыл добавить, что кошка еще и дорогу должна перебежать, – Дэнс приснул смехом, представив черную кошку, бегущую через дорогу с пустым ведром в передних лапах. – В приметы веришь? Стыдно, Свазилич.

– В приметы я не верю, – механик вытряс из пачки сигарету, взял губами и прикурил от плазменного держака. Чуть наклонившись к стажеру, шепнул доверительно. – Академик Будулай сказал однажды: "Приметы сбываются независимо, веришь ты или нет", – и оказался прав: на первом транспорте перед полетом исчез штурман, у второго на старте испарился стажер, а у нас с вечера не отзывается на телефон командир Крюк.

– Вроде как, крысы с корабля сбежали? – призадумался Дэнс и, прерывая затягивающуюся паузу, поспешил себя обнадежить. – До старта четыре часа, появится; а штурман здесь?

– Штурман Круз? – переспросил Свазилич, ухмыльнулся и неуместно громко заржал. – Штурман Круз с вечера заперся в своей каюте. Изучает карты и прокладывает маршрут.

Глава 15 Пикантный момент

И рыцари уже не те, и набирают
качество мельницы. Они и раньше
были непобедимы, а скоро начнут
давить Дон Кихотов двумя пальцами

Над головами грохнуло металлом о металл. Свазилич присел и втянул голову в плечи, Дэнс скосил глаза вверх. В проеме входного люка, упиралась лапами в запорный штурвал и болталась из стороны в сторону, будто последний осенний лист на голой ветке в холодном парке, юная крыска в желто-оранжевом распахнутом халатике.

Полупрозрачное небрежно надетое кружевное белье разом заморозило и притянуло взгляды стажера и механика. Свазилич сглотнул и попятился. Дэнс подался вперед и тоже сглотнул. Кое-как обретя равновесие, девица решила спуститься по трапу, но вместо перил ухватила лапами воздух и за три сальто пересчитала попой и боками все десять ступенек до грязноватого асфальта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.